

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 398

**Фольклор как воплощение
этнонационального характера эвенков**

Сорокина С.А.¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансляции в фольклорных текстах системы ценностей этноса, автостереотипов, норм и моделей поведения. Эвенкийский фольклор рассматривается как средство формирования этнической идентичности и источник знаний о представлениях эвенков о чертах характера своего и соседних народов.

Ключевые слова: фольклор эвенков, этнонациональный характер, этническая система ценностей, этностереотипы, этническая идентичность

**Folklore as an embodiment of
the ethno-national character of the Evenks**

Sorokina S.A.¹

Abstract. The article is devoted to the problem of translation of autostereotypes, norms and behavior models, ethnos values system at the Evenk folklore. Evenk folklore is considered as a means of forming an ethnic identity and a source of knowledge about the Evenki's ideas about the traits of his and neighboring peoples.

Keywords: Evenk folklore, ethno-national character, ethnic value system, ethnostereotypes, ethnic identity

¹*Сорокина Софья Александровна, доцент кафедры этнокультурологии Института народов Севера Российского*

государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. пр. Стачек, 30, 198097, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Sorokina Sofia Aleksandrovna, Associate Professor of the Department of Ethnology of the Institute of the Peoples of the North of the Russian State Pedagogical University named after Al Herzen. Stachek ave., 30, 198097, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: nkult@yandex.ru

© С.А. Сорокина

Социально-культурные модели современного общества претерпевают сложный процесс трансформации, самоидентификация личности происходит в более сложных условиях глобализации и интенсификации информационного потока. Если ранее относительно устойчивая этническая культура являлась основой для формирования мировоззренческих установок и норм, то текущая социальная ситуация предлагает индивиду самостоятельный выбор ориентиров. В этих условиях возрастает роль фольклорного наследия в формировании этнической идентичности. Транслируемая в фольклорном тексте система ценностей - наиболее фундаментальные характеристики культуры, которые формируют образ себя, нормы и стереотипы, модели поведения. Национальное самосознание подразумевает осознанное отношение к духовным ценностям своего народа и ориентацию на них. Этнические группы определяются прежде всего по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе самосознания. [6, с. 119] Корпус ценностей культуры суммируется в ритуале и мифе, в обряде и фольклоре. В фольклорных произведениях отражены основные, определяющие особенности этноса, в которых выражается его главное жизненное предназначение. На этой основе формируется отношение к миру, идея своего места в нем, представления о самом себе и цели своего существования. В фольклоре осознаются и описываются самими носителями культуры черты национального характера, который является объективированной формой проявления национально специфического и выступает как внешнее, проявляющееся в

особенностях ментальности и социального поведения, отличие одной этнической группы от другой.

К проблеме «национального характера» обращались мыслители В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. В. Станкевич, Н. Г. Чернышевский. Социально-психологическим особенностям национального характера посвящены работы А. Н. Леонтьева, Л. Н. Гумилева. Понятие национального характера разрабатывал Н. Бердяев, который полагал, что «...человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек». [2, с. 95] Крупные монографические исследования национального характера относятся к первой половине XX в., это работы Д. С. Лихачева, П.И. Кушнера, в которых обосновывалась консолидирующая роль национального характера в исторической памяти народа. [12] Во второй половине XX в. появляется все больше исследователей, посвятивших свои труды этой проблеме: Ю.В. Бромлей, К.О. Касьянова, В. И. Козлов, Н.Н. Чебоксаров и др.

В науке не сформировалось единого мнения по вопросу о существовании такого явления, как «национальный характер». Ряд ученых отстаивает его реальность, предпринимаются попытки описать черты нации, осознание этнической принадлежности, особенностей традиций, быта, культуры. По мнению Д. Б. Парыгина, не вызывает сомнения факт существования психологических особенностей у различных социальных групп, слоев и классов общества, а также наций и народов. [13, с. 74] Н. Джандильдин определяет национальный характер как «совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях ее развития». [7, с. 122]

Другие ученые отвергают возможность выявления «национального характера», как своеобразных, присущих только данному народу особенностей, говоря об универсальности общечеловеческих черт. И. Кон отмечает понятийную неопределенность «национального характера», обусловленную самой многозначностью категории «характер». [10, с.17-34] Н. А. Ерофеев использует термин «этническое представление» как «словесный портрет или образ чужого народа». С.М. Арутюнян обосновывает понятие психологического склада нации, представляющее собой «своеобразный национальный

колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры». [1, с.23] Однако термин «национальный характер» остается наиболее распространенным.

Специалистами поднимается проблематика, связанная с выявлением источников сведений о национальном характере. С. Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» выделяет следующие источники: анекдоты, базирующиеся на стереотипных представлениях, национальная классическая литература, язык и фольклор. [16] Устное народное творчество – наиболее надежный источник сведений о национальном характере, несмотря на то, что фольклор в этом плане представляет некоторое единообразие: герои, персонажи и даже сюжеты стереотипны, в центре эпических произведений стоит герой, в котором отражена мечта народа о сильном и справедливом защитнике. Учитывая историзм фольклорных произведений, необходимо отметить, что герои эвенкийского эпоса не всегда идеальны, воплощают черты конкретных личностей, поведение которых близко и понятно современным носителям культуры. Национальный характер строится на определенной реально-исторической основе, представляет собой общность выработанных и усвоенных в ходе совместного исторического развития психических черт и способов действия, закрепленных в самосознании народа - жизненно важном аспекте личной и групповой идентификации.

Этнонациональный характер, по мнению К. Касьяновой, складывается из таких составляющих, как культура и генотип, он включает в себя наряду с неосознаваемыми культурными архетипами, которые усваиваются в процессе социализации, еще и наиболее повторяющиеся природные этнопсихологические черты индивидов. Главными носителями этнического начала в любом народе К. Касьянова признает религию и фольклор. По мнению автора при первом же толчке извне в нас актуализируются «социальные архетипы», указывающие нам, что мы должны защищать, поощрять, не допускать. Это бессознательные структуры, которые представляют собой этнонациональный характер. [9, с. 74] З.В. Сикевич также отмечает, что исторически

сложившиеся этностереотипы, прямо или косвенно передаваемые в ходе этнокультурной трансмиссии, наиболее явственно обнаруживаются в языке, и, в частности, в фольклоре. Наиболее ярко они проявляются в групповых действиях, особенно в процессе межэтнического взаимодействия. [15, с.97] Отметим, что фольклор народов Севера отражает изменения автостереотипов, произошедшие в этом процессе.

Таким образом, в фольклоре содержится ключ к постижению национального характера как совокупности объективных, исторически сложившихся социально-психологических особенностей духовного облика народа, проявляющихся через отношение к вечным общечеловеческим ценностям, в свойственных его представителям традиционных формах поведения и общественного сознания.

Эвенкийский фольклор, рассматриваемый в данной статье, отражает не только мировоззрение и историческое прошлое этноса, но и взгляд народа на самого себя, представления о собственном этнонациональном характере и внешнем виде. В эпическом фольклоре эвенков сопоставляются особенности мышления и поведения своего и соседних народов. Предки эвенков, описанные в героическом эпосе, прекрасны внешне, благородны и честолюбивы в своих деяниях. Являясь носителями определенных качеств, они формируют национальный характер потомков, так как все, что существовало в эпоху предков священо, является образцом для подражания.

Основная характеристика героя эвенкийского эпоса – стремление исследовать новые земли. Как отмечают исследователи, в сказаниях об одиноких героях тема странствий ради познания мира, разведки новых земель и поиска себе подобных — одна из центральных. «В этом эвенкийские героические сказания стоят ближе к знаменитой «Одиссее», чем к тюрко-монгольскому эпосу» - отмечает Г.И. Варламова. [3, с. 99] Исследовательница вывела эвенкийскую эпическую формулу одиночества, присущую образу одинокого эвенкийского богатыря-первопредка. [Там же] Рассуждения героев о своем одиночестве подводят их к решению постранствовать, мир повидать. В нимнганках с одиноким героем завязкой сюжета служит, как отмечает А.Н. Мыреева, нарушение территориальной замкнутости, контакты с отдаленными племенами или народами, несчастье (похищение сестры).

Г.М. Василевич отметила три основные цели путешествий эвенкийского богатыря в героических сказаниях: желание увидеть «край земли»; найти противника, чтобы проверить свои силы, ловкость; найти товарища, друга (мужа, жену). Желание посмотреть и узнать землю мотивируется часто таким образом: «Сидя на вершине той горы, землю рассматривал, разглядывая, сказал: «А какова же величина мира?» [4, с. 249] Богатырь Отани желает узнать новые земли, чтобы найти места, богатые зверем. Историческое движение на восток вылилось в основную и главную тему сказаний, выразившуюся в мотиве «разузнать, разведать новые земли», «повидать мир», «узнать величину земли», «исходить все края земли».

Герои нимнганов имеют предназначение – заступничество. В сказаниях, где присутствует мотив заступничества, как в сказании о Кодакчоне, герой борется с богатырями Нижнего мира: «Ты эту девицу за что плохое сделанное ею преследуешь? Что за вина у девушки этой?» — говорит Кодакчон, собираясь вступить в схватку с богатырем из Нижнего мира. [Там же, с. 181] В сказании «Храбрый Содани-богатырь» герой, отправляясь на поиски похищенной сестры, говорит о своей судьбе защитника племени эвенков:

Если спросишь меня: «Куда собрался,
Куда помчался вскачь?»
То [отвечу]: я иду очень далеко и тороплюсь
Выследить остывшие следы,
Высмотреть свежие следы
Младшей сестры, родной сестры моей,
Красивой девушки Аякчан Ивекчан-красавицы!
Отправляюсь в поход —
Так мне, молодому человеку,
Предназначено судьбой.
Быть защитой племени эвенков-аи —
Моя судьба... [17, с. 238]

В сказании «Каменное сердце имеющий Дёлоргун-богатырь и его парнишка-ребенок большую силу имеющий Сингнаны-богатырь» главный герой характеризуется как хороший охотник, имеющий много земли, храбрый исследователь, защитник людей от авахов. [3, с. 238] Защитником невинных является герой сказания «Гарпарикан-богатырь»: «На съедение аи-человека одобрительно смотреть

буду? ... с хвостатого, двуухого коня своего спрыгнул Гарпарикан, на шум пошел. Там, оказывается, авахинищи, костер разведя, человека мясо его, шашлыча сидят. Оленного человека, аи-человека шашлычат. Подойдя, такие слова обрел: авахи земли Хэргу Буга, вначале привет примите! Аи-человека мясо шашлыча, шумя сидите тут. Какую вину за ним найдя, аи-человека поджариваете? Моего соседа-то съели вы, если случилось такое, сражаться будем. Ну с теми авахами драться начал». [Там же, с. 315]

Герои нимнганов отличаются крутым нравом, проявления их гнева описываются сказителями очень ярко. Когда богатырь Нижнего мира просит богатыря Содани отдать за него замуж сестру, герой впадает в ярость: «Услышав это, храбрый Содани-богатырь, сильный человек, не мог сдержаться. От сильного гнева на одну пядь вырос вверх, на четыре пальца раздался вширь, глаза его наполнила гневная кровь, в грудь вошла сердитая кровь, в сердце ударила отважная кровь, к коленям хлынула дерзкая кровь, живот залила густая кровь. Одежда, в которую он был одет, чуть не лопнула». [17, с. 153] Подобный гнев свойственен и другому богатырю сказания «Храбрый Содани-богатырь»: «Когда Херкиндя-мата услышал это, из двух его глаз полетели вверх искры. Жидкая его кровь стала будто ржавая, яростная кровь заклокотала в горле, вспылчивая кровь выплеснулась из колен, густая кровь заполнила все нутро, буйная кровь ударила в сердце, от страшной злости вырос он на одну пядь, на четыре пальца раздался вширь. В широких местах [туловища] он чуть не лопнул, в узких местах едва не разорвался. Зубами он заскрежетал так, что полетели искры. В страшной злости он сунул кукиш под нос сыну авахи». [Там же, с. 217] Сильный гнев вызывает у богатыря Дэвэлчэна предупреждение о грядущей опасности. На слова девушки Верхнего мира о том, что «чужих миров сильные атаманы, сильные...коварные, приблизившись, вам угрожают», следует такая реакция: «Всесильный богатырь Дэвэлчэн... услышав это, рассердился: горячая кровь ударила в сердце, густая кровь хлынула в живот! «К такому человеку, как я, кто сможет прийти! В трех мирах не найдется никого, против кого мои сильные жилы оказались бы слабыми! Эта девушка из Верхнего мира думает, что, родившись в Верхнем мире, она может сильно унижать меня», говорил он, сердясь. «Вот я ее догоню, куда бы она ни ушла! За то, что она мной, играючи,

пренебрегла, я ей отомщу!» [Там же, с. 249] Даже атаманы авахов отмечают вспыльчивость богатырей: «Средней земли Иркисмон, густа же твоя кровь, и ты очень вспыльчив! Держись!» [14, с. 209]

Гнев героя обычно связан с честолюбием, он является ответной реакцией на оскорбительные слова врага, либо на фразы, ставящие под сомнение его могущество, даже если это предупреждение об опасности. Анализируя изображение гнева в героико-архаическом эпосе А.Н. Мыреева отмечает, что эвенкийский фольклор заимствовал его из якутского. Суть гнева выражена якутской формулой «киэбэ-киэлитэ киирдэ» — «облик-внешность изменился». Речь идет о свойстве душевного склада, формула представляет метафору неуступчивости, горячности. [Там же, с. 45]

Тщеславие, стремление обрести славу не чужды характеру героев эвенкийского эпоса. Слава приписывается богатырю Дэвэлчэну. Противник превозносит его ум и силу, непобедимость и прославленность: «Богатырь Ирэвлинде сказал такие слова: «Богатырь Среднего мира, всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде! ...Я не смогу устоять против тебя. До чего же ты умный! До чего же ты сильный! Не зря прославилось твое имя, разошлась твоя громкая слава. Двухногому тебя силой не одолеть, двуручному тебя силой не победить. Никто не сможет с тобой биться на равных». [Там же, с. 309] Старики желают молодым обрести славу: «А старуха Баян Сигурдэн вслед им такие слова сказала: Дочь, родная дочь моя, Киладий-красавица с блестящими волосами! Богатырь Средней земли, всесильный богатырь Дэвэлчэн, ...зять, родной зять мой! ...Доберитесь благополучно до вашей земли, поставьте свой чум, разожгите огонь, рожайте, качайте в колыбели детей, разводите скот, станьте почтенной семьей! Прославьте свое имя, чтобы пришельцы из дальних стран почитали вас! Пусть сородичи вас уважают, пусть слова мои станут для вас благословением!» [17, с. 327] Герои эпоса выражают надежду на то, что эвенки в будущем также обретут славу: «Племя эвенков-аи, перевалив через годы, пройдет сквозь дни, от поколения к поколению умножится, сильно-сильно разбогатеет оленями, конями и коровами, прославит свое имя, распространит свою славу! — сказала та Туливчан-красавица». [Там же, с. 237]

Традиции и честь героев эпоса требуют милосердия и великодушия к людям, в том числе к побежденным врагам. В

преданиях транслируется запрет на убийство человека, побежденный богатырь говорит, что победитель опорочит свое безвинное имя, убив человека. «Хуркокчон верхней земли, подожди, послушай! Мои страстные слова пойми разумом, почувствуй нутром, раскрой уши! За какую вину ты так расправился со мной? Я никогда плохого тебе не делал. Ведь человек-аи не должен убивать человека-аи! Говорят, большой грех, если он убьет. Поэтому не лишай меня жизни. Теперь я с тобой не буду спорить. Меня не убивай...». [14, с.256] В предании «Шиктовуль» символически подчеркивается паталогичность, противоестественность, порицание убийства. В рассказе герой имеет семью, промышляет, но женщины из рода Огдырыль оговорили его, наврали своим мужчинам, что тот хочет их убить. В результате конфликта убит брат героя. После мести убившим, Шиктовуль начинает бродяжничать, шаман предрекает ему «7 лет будешь убивать». Он «бил Огдырылей» из-за мести, «бил людей, как траву». Шаманы прокляли его, чтобы никакой зверь не мог к нему приближаться. Голодный Шиктовуль находит сына, который накормил его. Обретя снова семью, герой прекращает убийства, доживает до глубокой старости и сам дает себя убить, предлагая бродягам съесть его сердце и обрести его силу и неуязвимость. Мужики побоялись есть сердце Шиктовуля, обнаружив «совсем другое сердце, всё волосатое». [5, с. 88-91]

Такое качество, как хитрость в эпосе порицается, если она применяется к человеческому роду. Если же герой попадает в Нижний мир, он прибегает к хитрости в борьбе с его обитателями, которые чаще всего сами описываются как хитрые и коварные:

«Продвигаясь вперед, до моря добрался, оказывается. Вокруг него из-за тумана ничего не было видно. Наверное, в этой стране живут одни племена чудовищ, хитрых, как уходящие тучи, очень коварных, как убегающие тучи». [17, с. 261]

Напутствуя героя перед походом в Нижний мир, и его ездовой олень, и представители Верхнего мира советуют ему использовать там хитрость: «Олени эвенков-аи не могут ходить по этой страшной стране — так она устроена. Нам двоим придется дальше идти в разные стороны. ...У эвенка-богатыря много разных хитростей, говорят, поэтому ты дальше пойдешь сам. С помощью тех хитростей, которые знаешь, будешь ходить как сумеешь». [17, с. 203] Такой же совет дает перед походом

Солкондор мужу Иркиничэну: «...богатырь Среднего мира по имени Иркиничэн, едущий на диком олене со свежееголенными рогами, почитаемый друг мой! ...Вот направился ты в плохие, злые [страны]. Будь тверд, мужайся, как подобает мужчине, соберись с силами! Если будешь ходить только в том облике, который достался тебе от матери, в той стране далеко не уйдешь. Только если будешь коварным, как убегающая туча, как уходящая туча, будешь хитрым, благополучно минуешь сорок четыре напасти, которые будут подстерегать тебя каждый день. ...Пусть твой поход будет самым удачным! Найди потерянное, догони убежавшего, сокруши разрушившего, убей убившего!» [17, с. 195]

В предании «Богатырь Тамнани и Дёломо Дёнуйкан» хитрость приравнивается к уму: «... На его речь девица-красавица, сидя вверху, так отвечала: Как же я, не заметив, прилетела? Приняла тебя за пташку, не чувствуя опасности, спустилась! Если бы знала, не прилетела бы, полетела бы в свои места. Теперь ты хитрее и умнее меня. Теперь я сниму свои крылья. Никуда уже не могу идти, твоей стала!». Этот паренек поджег ствол дерева, на котором сидела девица, вот теперь он начал изгонять из нее хитрость и притворство. Летая с помощью ее крыльев, он бил ее веткой, приговаривая: «Пусть исчезнет хитрость и притворство». Так побив ее, повел эту женщину к брату. Привел ее и был этим очень горд». [с. 90] Борьба с хитростью призывает и героиня предания «Сиротка Нюргумнок»: «Так благословив [его], закончила совет свой. Потом стала прощаться мать и напутствовать [сына]: Сынок, Хуркокчон называемый, хорошего пути тебе! Не падай от крутобоких! Не поддавайся опережающим! Не становись поперек идущим сбоку. Не поддавайся лукавым! Уничтожай хитрецов!» [14, с. 78]

Г.М. Василевич предполагает, что мотив использования хитрости заимствован у якутов. [4, с. 308] Проникновение якутского фольклора в эвенкийский выразилось, по мнению автора, в частичном вхождении якутских персонажей, мотивов и сюжетов в эпические произведения. Г.М. Василевич отметила в одном преданий мотив, характерный для якутского фольклора – мотив убийства с помощью обмана. В предании о сонинге по имени Юргины рассказывается о мести Юргины за убийство свата. По законам кровной мести он должен был убить двух сильных сонингов, для чего прибег к хитрости, уговорив свою дочь выйти замуж за одного из противников. Когда парень в

качестве мужа поселился в чуме Юргины, последний, выждав момент, убивает чужого сонинга.

Месть, как и хитрость, в преданиях эвенков допустима в отношении обитателей Нижнего мира. В нимнгакане «Гарпарикан-богатырь» герой мстит авахам за убийство родителей и похищение сестры: «Гарпарикан-богатырь! Две пары рук имеющий, двуногий человек, хорошенько выслушай меня. Отец был у тебя, мать была, отец твой людей верхушкой был, мать твоя — ни Средней земле из всех женщин лучшей женщиной была. Авахи, придя, родителей твоих увели, сожрали. Остерегайся, к тебе вот-вот прийти должны. Крепись изо всех сил, берегись, Мэнгулкэн младшую сестру твою Олбой Толбой *авахинице* в Нижнюю землю унес. Если ты действительно человека верхушка, за тем авахиницем погонись». [Там же] Мотив мести за сестру и тема мщения за родителей по мнению Г.М. Василевич свидетельствует о позднем происхождении сказания.

Ум, доброта, широкий кругозор, умение ценить — вот качества, воспеваемые эвенками. В сказании «Иркисмондя-богатырь» эти качества называет Хэглэндор-старик, обращаясь к спасителю богатырю Хуркокчону: «После этого, глядя на него с умилением, заговорил так: Ты, богатырь средней земли, ...уважаемый под солнцем зять с золотым добрым сердцем, ты послушай, мою речь обдумывая, оценивая мои слова. Когда я выслушал твою речь, моим костям стало легче, встряхнулись мышцы, заволновалось сердце, стало светлее глазам. Ты хочешь взять нас с собой на родину, но мы уж очень стары, ...поэтому не можем ехать. Ты говоришь: «Хочу оживить брата жены, Тамнар-богатыря». Все это исходит от доброты сердца, умных мыслей, широкого кругозора и от умения ценить. Это тоже радостная весть... Ну, сынок, за хорошие мысли, за доброе сердце прими большое спасибо! ...Слова нашего человека Хуркокчона очень понравились и местным, и чужеродцам-матам. Некоторые из них сказали: «Старым богатым людям непременно попадетсЯ хороший, сильный человек». А сердечные люди произнесли: «К людям, живущим благополучно, никакая беда не приходит. И старым, и молодым — так начертано их судьбой». [14, с. 278]

В эвенкийском фольклоре порицается лживость. Хитрецами и обманщиками в преданиях предстают другие этносы. Персонажи эвенки, проявляющие эти качества, осуждаются. Из-за лжи человека в одном из преданий погибают

его жена, жены солдат, случайный прохожий и сами солдаты: «Лживый человек был. Лгун сказал своей жене: „Повесь чайник!» Когда та повесила, лгун убил жену. Срубил талинку, принес талинку, жену стал бить, та встала. Лгун ту талинку продал солдатам, солдаты взяли. Те солдаты убили жен своих, потом стали бить убитых жен. Те не ожили. Зарыли в землю, лгун полученные деньги положил на берегу под корень пенька, стал стрелять. Когда выстрелил, деньги выпали. Дал тот (лук) солдатам. Солдаты купили лук его. Стреляли, стреляли, деньги не могли выпасть. Рассердились солдаты на лгуна. Сунули лгуна в брюхо коровы. Солдаты ушли домой. К корове подошел человек, лгун сказал: „Выпусти меня». Выпустил отсюда человек. Лгун сказал человеку: „В брюхо коровы деньги (я) положил». Влез человек в брюхо коровы. Лгун взял коня человека, ускакал к жене того человека. Лгун женился на жене его. Солдаты пришли, утопили корову. Тогда лгун сказал солдатам: „Я жену взял от хозяина (духа) воды». Лгун убил коров, в брюха их положил солдат, зашил их. Так лгун утопил в воде солдат до смерти». [5, с. 122] Солдаты, видимо, представители русского народа, обмануты эвенком. В сказании «Болонтур-богатырь» порицается обман, измена мужу. [Там же, с. 170]

Якут, персонаж рассказа «Один болтун хитрец», характеризуется как хитрый и болтливый человек, сумевший обмануть солдат, продав им якобы волшебные луки и стрелы, указывающие на клады. [Там же, с. 126] Г.М. Василевич отмечает в сносках, что употребляемое в рассказе наименование якута Culluwki — прозвище, которое ербогоченские эвенки дают якутам.

Коварство якутов, доверчивость эвенкийского богатыря и сила русских становятся основой сюжетных переплетений предания «Дыгын». Записавший его исследователь В.Н. Васильев предполагает, что оно представляет один из вариантов известного якутского предания, заимствованный от якутов и несколько видоизмененный. В первой части повествования описывается бедная семья якутского шамана, которая живет в скудных дичью местах впроголодь. Шаман долго уговаривает сыновей переселиться, но они боятся 7-дневного перехода по гольцу (пустынная местность без воды). Все же семья придумала способ пересечь голец (волоча холст по траве, они собирают росу для питья) и обосновалась в

«привольных местах, изобилующих рыбой и дичью». Видимо, первая часть призвана показать, что якуты являются пришлыми в землях тунгусов, которых потомки якутского шамана встречают во второй части предания. Их так и называют «переселенцами». Потомки шамана процветают: «От старика и его сыновей произошел целый народ... Богато жили потомки шамана. На лугах у них паслись огромные табуны лошадей и стада рогатого скота; леса изобиловали зверем и дичью, на речках и озерах не переводилась рыба». Якуты описываются как сильные, храбрые, хитрые люди: «Над этим народом властвовал могучий Дыгын, самый сильный и храбрый человек из всего племени. Богат и славен он был среди своего народа, и никто не мог сравняться с ним ни силой, ни богатством, ни хитростью». Описывается социальное устройство якутского рода: «Жил себе Дыгын среди своего народа и спокойно царил над ним, не зная ни забот, ни хлопот; все его слушались и повиновались. Никого и ничего не боялся он, уверенный в своей силе и многочисленности своего народа. Множество работников пасло на лугах лошадей и коров, а свободные люди, кто одиночкой, кто группами, охотились в лесах и горах или рыбачили по речкам и озерам».

Однажды, зайдя далеко от своих жилищ, якуты случайно набредают на чум тунгуса: «Около дверей лежал самострел с семью нарезками на ложе для тетивы лука. Стали они пробовать его натягивать, но лук так туг, что лишь немногие натянули его до первой нарезки и только один — до второй. После этого охотники вошли в жильё, где застали только одну женщину. Стали разговаривать с ней, оказалась она тунгуской. Спросили ее, из скольких человек состоит ее семья. Она ответила, что их только двое с сыном. Где же он у тебя? — задали вопрос гости. На охоте, — ответила хозяйка. Как же он оставил свое оружие? Какое? — спрашивает в свою очередь женщина. Да вот то, что лежит на дворе у дверей, — говорят охотники. Ну, какое это оружие, — отвечает хозяйка, — это игрушка, которой баловался сын, когда был маленьким». Удивившись, что есть такой силач, Дыгын отправляет силачей к жилищу тунгуса. Опять не застав его, они испытывают детский лук, но и самый сильный богатырь смог натянуть тетиву только до 4 нарезки. Таким образом, лук является как бы измерителем силы и показывает превосходство тунгуса над якутами.

Вернувшись с охоты, охотник-тунгус отправился по следам якутов: «Придя к их местам, он увидел громадный табун

лошадей ...взял свой лук, вставил стрелу, натянул лук и выпустил стрелу в табун. Стрела проскочила сквозь четырнадцать лошадей». На сей раз сила выстрела является измерителем силы. Якуты, привязав лошадей в одну шеренгу, начинают пробовать, кто сколько лошадей может прострелить. Оказалось, кто простреливал одну, кто две, кто три; редкие простреливали четыре и пять, и только один богатырь прострелил семь лошадей. ... Попробовав на лошадях свою силу, Дыгын и его люди пришли к заключению что бороться и воевать им с незнакомцем было бы не под силу.

Сначала якуты представляются как дружелюбный народ, вместо того, чтобы убить тунгуса, они решают с ним подружиться: «Нам не справиться с таким человеком, — говорит Дыгын, — лучше же постараемся мы заслужить его расположение и сделать его своим человеком. Иначе он перебьет всех нас. Пусть отправятся к нему несколько и скажут ему: «Дыгын ищет твоей дружбы и расположения и хочет выдать за тебя свою дочь. Сделайся нашим человеком и живи с нами». Тунгус соглашается, но живет среди якутов в напряжении: «Четыре года он прожил среди них и все время был настороже. Ни разу за это время якуты не обнаружили своих враждебных намерений. Через четыре года он уже перестал опасаться, стал считать якутов своими друзьями и бросил свои предосторожности. Заметив это, якуты еще подождали с год, а на шестой убили его хитростью во время сна. Так погиб доверчивый тунгусский витязь, но не долго торжествовал и сам Дыгын». [5, с. 253]

В предании якуты показаны хитрыми и вероломными, а тунгус сильным, но доверчивым. Сама история мстит за коварство якутов: на их землю приходят русские и с помощью хитрости и водки уничтожают все племя: «Скоро пришли в его землю русские и стали воевать с ним. Однако у Дыгына было столько народа, что он мог противостоять им. Тогда русские, видя, что силой им не одолеть Дыгына, предложили ему мир и дружбу. Дыгын принял мир. Решили новые друзья отпраздновать свой дружеский союз и прекращение войны. Русские устроили пир и пригласили на него новых друзей. Во время пира гостей поили водкой — напиток до того времени неизвестный якутам. Пил и Дыгын, конечно, вместе с другими, и как ни был силен и крепок, но и он стал пьянеть и пошатываться. Скоро все гости были уже пьяны, а русским этого только и надо

было. Когда якуты перепились все, русские напали на них и всех перерезали. Так кончил жизнь свою вероломный царь якутов, а с ним пало и его царство». [Там же]

В эвенкийских преданиях, при описании контактов эвенков с другими народами – якутами, хантами, русскими, дается характеристика тех или иных этнических черт характера. С якутами эвенки состязаются, и в честной борьбе побеждают. Якуты показаны как хитрый и коварный народ, по сравнению с которым эвенки предстают доверчивыми и бесхитростными. Контакты с русским народом также нашли отражение в исторических преданиях эвенков, это, в частности, сюжеты, связанные с русским судом, ясаком, торговлей. Эвенки изображены богатырями, силачами, превосходящими представителей других народов в силе и ловкости. В преданиях иноплеменники восхищаются мощью и храбростью эвенкийских богатырей и боятся их. Согласно фольклору, эвенки имеют превосходство и в такой сфере деятельности, как оленеводство, например, над хантами.

Интересны предания, в которых 3 брата выступают предками русских, якутов и эвенков. В них предок эвенков является самым глупым и недееспособным из братьев. В эвенкой версии мифа старший брат, предок русских, назван держателем земли, наставником и кормильцем младших братьев. Текст заканчивается пессимистической фразой: «Иркэнмэл — богатырь всех богатырей, все, что есть могущий одолеть, все что есть могущий сделать — теперешний русский, Ойинде – только себя еле могущий кормить – якут. Мэтэлэ — ничего не могущий, ничего не знающий, вот теперь исчезающий — теперешний эвен...». [11, с.190-208.] В этом фольклорном произведении отражено изменение представлений о собственном этносе, произошедшее в результате межэтнических взаимодействий.

Эпические произведения транслируют представления народа о моральных и физических качествах предков, о чертах этнического характера эвенков. В мифологических преданиях подчеркивается красота, сила, ловкость, храбрость, красноречие героев-предков, которые отличаются жаждой исследования новых земель, борются с врагами, защищают попавших в беду. Также героям эпоса свойственно стремление к состязаниям, славе, честолюбию, великодушию, чувствительность. Эвенкийский богатырь – это доверчивый и

бесхитростный человек, которого враги могут победить только коварством.

Для эвенков важна оценка их народа чужеродцами, что особо подчеркивается в фольклоре в текстах благопожеланий: «Прославьтесь добрым именем, станьте самой лучшей семьей, пусть приветливо встречают вас родственники, полюбят чужеродцы, да укажут вам дорогу старые деды и благословят вас бабушки-старушки!»; «Когда вы доберетесь до своей родины, будьте хорошей семьей, родите детей, разведите оленей и других животных, и пусть маты принимают вас с почтением, пусть любят чужеродцы и уважают молодые»; «обзаведитесь домом, разведите огонь, родите детей, растите скот, огородите оленей, пусть вас любят чужеродцы, пусть уважает потомство, станьте хорошей почитаемой семьей».

В исторических преданиях показано превосходство эвенков над другими народами в силе, смелости, ведении традиционного хозяйства. Но одновременно осознаются такие качества как доверчивость, бесхитростность, которые позволяют хитрым и коварным соседям побеждать богатырей-эвенков. В фольклоре содержатся нормы поведения и эталон образа жизни эвенков. Порицаются жестокость, жадность, лень, обман, неуважение к старшим. Эпос транслирует отрицательное отношение к алкоголю, войне, убийству и грабёжам. Хитрость, болтливость, коварство в сказаниях являются характеристиками других этносов. Устами стариков – героев преданий – поощряются трудолюбие, осторожность, взаимоуважение, гостеприимство, забота о родителях, соблюдение традиций и норм этикета. В благопожеланиях и напутствиях героев эпоса сформулировано главное предназначение эвенков: поставить чум, развести в нем огонь, построить загон для скота, родить детей, населить людьми Средний мир.

Таким образом, изучение системы ценностей через фольклорные источники дает возможность выявить своеобразие в мировоззрении и национальном характере эвенков. Определение маркеров этничности, таких, как национальный характер, консолидирует этнос, повышает эффективность педагогической работы по формированию этнической идентичности новых поколений, позволяет сохранить уникальность традиционной культуры в поликультурном многообразии современных сообществ.

Список литературы и источников

1. Арутюнян С.М. Нация и ее психологический склад. Краснодар, 1966.
2. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918.
3. Варламова Г.И. (Кэптукэ) Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука» 2002.
4. Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. М.-Л.: Наука, 1966.
5. Василевич Г.М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Издательство института народов Севера. Ленинград, 1936.
6. Вебер М. Исследования по методологии науки. М., 1980. Ч. 1.
7. Джандильдин Н. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971.
8. Казакевич О.А. Картина мира северных селькупов сквозь призму фольклора // XII Международный симпозиум по психологии и теории коммуникации “Языковое сознание и образ мира”. М., 1997.
9. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
10. Кон И. К проблеме национального характера // В кн.: История и психология. Под ред. Б.Ф.Поршнева. М., 1971. с. 17-34.
11. Кэптукэ Г., Роббек В. Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания). - Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2002.
12. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии, 1990, №4.
13. Парыгин Д. Б. Общественное настроение. М., 1966.
14. Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии. Издательство «Наука. Ленинградское отделение». Ленинград, 1971.
15. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996.
16. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.

17. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.